

Взаимная неприязнь между Ше Цзе и Фан Чаоцы, можно сказать, пустила глубокие корни.

Верный девизу «весь мир погружен во хмельной сон, и лишь я один трезв», Ше Цзе мнил себя непонятым одиночкой — трагическим героем, готовым вопреки всему противостоять полчищам врагов. Словом, ломал комедию он как заправский шут.

«Что ещё за шут?» — недоуменно спросил он у Небесного камня.

Артефакт ответил странным, зловещим молчанием.

«И какая от тебя польза?» — мысленно проворчал Ше Цзе, кривя губы в глубоком разочаровании.

Однако Небесный камень отозвался ровным, механическим голосом:

[Я исцелил ваш недуг.]

И впрямь: затяжная дурнота и слабость — последствия того злополучного удара по голове — прошли без следа и без всяких лекарств. Несомненно, тут постарался Небесный камень. Лишь такой недотёпа, как Ше Цзе, мог заметить перемену только сейчас. А ведь тошнота отпустила его ещё в первую ночь, едва артефакт оказался у него в руках. Ну где это видано: утром человек из-за нарушенной координации спотыкается на ровном месте, а к вечеру уже бодр, весел и пышет здоровьем? Без вмешательства неведомых сил тут явно не обошлось.

Ше Цзе принялся упрямо препираться:

— Вздор! На следующее утро я опять растянулся на полу!

Небесный камень бесстрастно проанализировал ситуацию:

[Мои расчеты безупречны. Ваше тело полностью восстановилось еще в ту ночь. Что касается повторного падения на следующее утро, то оно объясняется нарушением координации. Однако его причиной была вовсе не прошлая кома, а слабое развитие мозжечка.]

Юноша уловил лишь суть последней фразы:

«Сам ты безмозглый!»

Камень отозвался без единого намёка на эмоции:

[У меня нет мозга. Исключительно скорость вычислений. Кроме того, ваше падение могло быть

уловкой подсознания. Проще говоря, вы упрямитесь и лукавите: на словах выказываете неприязнь, а в глубине души жаждете слиться с Фан Чаоцы в единое целое.]

Ше Цзе поспешно перевёл тему:

«Давай лучше вернемся к слабому мозжечку»

Постоянное общение с Небесным камнем принесло неожиданные плоды: глубоких исторических познаний юноша так и не приобрёл, зато поднаторел в диковинных и весьма заковыристых словечках, то и дело слетавших у него с языка.

Ше Цзе задумчиво побарабанил кончиками длинных пальцев друг о друга. На его губах заиграла коварная усмешка, а большие выразительные глаза лукаво блеснули. В эту минуту он походил не на благородного мужа, пекущегося о благе государства, а на чистейшего разума злодея из дешёвой пьесы.

«Итак, как мы проучим Фан Чаоцы?»

Небесный камень на мгновение замер.

[Мы?..]

В этом коротком слове явно читался немой укор: разве искать приключений на свою голову — не его единоличное призвание?

Императрица Су Дая, супруга императора Шэнь-цзуна, узнала о внезапных преждевременных родах вдовствующей императрицы Не одной из первых и поспешила во дворец без единого мига промедления.

В сравнении с благородной Не Сянжун эта женщина, носившая простонародное имя Дая, куда больше подходила под презрительное определение «деревенщины», которым придворные любили награждать неродовитых выскочек. Новая императрица действительно выросла в глухой рыбацкой деревушке на берегу реки Усун — то ли в уезде Хуатин, то ли в Цзядине. То, что обычная девка-рыбачка, не выдавшая в жизни ничего, кроме сетей, в одночасье вознеслась на самую вершину власти, объяснялось древней, прочно укоренившейся в народе традицией помолвки с младенчества.

Останься род Вэнь обычными крестьянами, ковырявшими землю где-то на просторах Цзянцзо, этот союз сочли бы равным и благословенным. Однако времена изменились. Ныне за Вэнь Пэньцзы, невзирая на его тучную двухсотфунтовую фигуру, охотно пошла бы любая знатная девица из лучших семейств столицы. С какой стороны ни посмотри, утонченный правитель и

грубоватая Дая составляли на редкость нелепую пару.

Но судьба порой выкидывает удивительные колена. Покойный Жэнь-цзун перед кончиной завещал: «Муж должен держать слово». И хотя Тай-цзун и покойная императрица Цысянь уже давно улетели на небеса верхом на журавлях, Шэнь-цзун свято исполнил волю предков и взял Су Даю в жёны. Два человека без капли образования, оказавшись под одной крышей, немедленно принялись обоюдно воротить нос друг от друга. Их супружеская жизнь превратилась в нескончаемый бедлам. Дошло до того, что наследовавший трон Вэнь-ди как-то раз в сердцах признался: покойный родитель, должно быть, совсем лишился рассудка от болезни, когда устраивал этот брак. Он даже предложил сосватать им развод, обещая окружить Су Даю почётом и заботой как старшую в роду.

Но, к великому изумлению двора, склочные супруги в один голос наотрез отказались расходиться. Стоило Вэнь-ди с горькой усмешкой оставить попытки разлучить эту «сладкую парочку», как они тут же вернулись к привычным склокам. Казалось, самого вида и звука дыхания супруга каждому из них было достаточно, чтобы разразиться очередной бранью — и так по несколько сотен раз на дню.

Разумеется, видя такое согласие, сановники и думать не смели о том, чтобы доверить судьбу престола наследнику от подобного союза. Впрочем, детей у Шэнь-цзуна и его императрицы по какой-то причине всё равно не было.

Су Дая была женщиной статной, крепко сбитой и басовитой, но за суровой внешностью скрывалось доброе и отзывчивое сердце. Как бы свирепо они с Шэнь-цзуном ни грызлись, на прочих членов императорского клана Вэнь её злость никогда не распространялась. Напротив, она вела себя как заботливая старшая родственница — благо была немного старше своего венценосного супруга. Годы невзгод и лишений, выпавшие на её юность, научили её чуткости, хотя порой её забота становилась чересчур навязчивой.

Едва прослышав, что вдовствующей императрице грозит смертельная опасность, Су Дая во главе своей свиты бросилась во дворец бегом. Именно бегом — взмыленная, отдувающаяся, не щадя сил. От паланкина она наотрез отказалась, здраво рассудив, что эта неповоротливая коробка на шестах будет только плестись позади.

Перед тем как войти в боковой покой, она не упустила случая отчитать супруга за полную никчёмность.

— Да на что ты вообще пригоден? — в сердцах бросила она, утирая пот со лба. — Сдался тебе этот престол! Шёл бы лучше домой да птиц гонял, только позоришься тут перед людьми.

Язык у неё был острый, однако в этих колких словах сквозило глубокое знание характера мужа. Шэнь-цзун, чуждый дворцовым заботам, превыше всего на свете любил праздность, а единственной его настоящей страстью было разведение породистых голубей.

— Думаешь, я сам рвусь на этот трон?! — взвился Шэнь-цзун. При виде супруги от его

обычного добродушия не оставалось и следа. — Не нужно было бы приберечь местечко для моего внучатого племянника, стал бы я терпеть все эти муки?!

— Тоже мне, нашел брюкву на грядке, «местечко приберечь»! — отрезала Су Дая.

Её грубоватые, но на редкость меткие слова выразили то, о чём придворные сановники смели лишь безмолвно сокрушаться в глубине души.

— Ты!.. — окончательно рассвирепел толстяк.

И вновь в дело вмешался Фан Чаоцы. Проявив чудеса дипломатии, он вовремя вырос перед венценосной четой, чей совместный возраст разменял уже не первый десяток. С величайшим почтением и мягкостью он пресёк назревающую перепалку: почтительно увлёк императрицу в боковой покой, наспех превращённый в родильную палату, а самого государя усадил обратно на трон.

Вдовствующая императрица Не мучилась родами уже вторые сутки. Несколько раз силы покидали её среди истошных криков; теперь она лежала бледная как полотно, едва дыша. Жизнь в её теле теплилась лишь благодаря целебным отварам жениху.

Тяжёлые роды испокон веков были главным проклятием женщин. Для Не Сянжун это было первое дитя. Беременность далась ей нелегко: то ли от избытка изысканных яств, то ли по иной причине, но её живот к положенному сроку раздался куда сильнее обычного. Нынешние муки роженицы казались зловещим предзнаменованием для всей Великой Ци, содрогавшейся от внутренних невзгод.

Собравшиеся в главном зале вельможи не смели разойтись по домам. Все стояли притиснувшись друг к другу и боялись даже вздохнуть лишний раз, страшась навлечь на себя высочайший гнев. Лишь престарелый господин Не, отец роженицы, в искренней тревоге за жизнь дочери мерил шагами холодные плиты пола.

Что до господина У, который незадолго до этого вступил в ожесточенный спор с вдовствующей императрицей, то он и вовсе пытался слиться со стеной. Несчастный сановник мечтал буквально сквозь землю провалиться, лишь бы не привлекать к себе внимания. Кабы роды разрешились благополучно — полбеда. Но случись с государыней или младенцем непоправимое, именно на него пало бы клеймо виновника, чьи дерзкие речи лишили императрицу душевного покоя и обрекли её на безвременную кончину.

Это прекрасно понимал каждый из присутствующих. Одни сочувствовали попавшему в опалу чиновнику, другие — почитали его участь справедливым возмездием. По меньшей мере, Шэнь-цзун и Фан Чаоцы точно принадлежали к числу последних. В конце концов, именно господин У усерднее прочих настаивал на том, чтобы низвести Великую старшую принцессу до положения наложницы. Теперь же строптивый сановник упёрся лбом в каменную стену.

Впрочем, Шэнь-цзун и не думал отпускать придворных на покой. И делал он это вовсе не из вредности: государь сам не сомкнул глаз за всё это время. Пока он томился ожиданием снаружи, супруга помогала роженице внутри. Без всяких уговоров венценосная чета явила редкое единодушие, отказываясь от сна и пищи. Время от времени они обменивались колкостями через слуг, насмехаясь над взаимным малодушием, однако к исходу вторых суток изнурительного ожидания у них попросту не осталось сил для препирательств.

Обессилевший Шэнь-цзун лишь изредка подавал голос, раз за разом безвольно вопрошая Фан Чаоцы:

— С ней ведь всё будет хорошо? И с наследником тоже?.. Ведь правда?

Фан Чаоцы и сам толком не понимал, как сделался для государя единственной опорой в этот грозный час. Но упускать столь блестящую возможность заявить о себе он не собирался. Будучи всего лишь малозначительным чиновником от префектуры — шаоцином Приказа государственной казны скромного ранга «цзинь-сы», — он незаметно прибрал к рукам бразды правления. Подобно искусному кукловоду, Фан Чаоцы направлял ход событий точным словом или едва заметным жестом, заставляя окружающих безропотно подчиняться своей воле.

— Всё непременно уладится, Ваше Величество, — ровным, глубоким голосом заверял Фан Чаоцы. Его уверенность казалась непоколебимой, точно скала посреди бушующего моря, и этот спокойный тон невольно унимал тревогу в смятенных душах придворных.

Хладнокровный, рассудительный, надёжный — именно этот безупречный образ Фан Чаоцы сумел явить миру благодаря нечаянному кризису.

Позже его близкий друг, великий художник Чжань Хожань, полюбопытствовал:

— Ты ведь ровным счётом ничего не знал тогда. Откуда же взялась эта каменная уверенность? Неужто не боялся, что в случае беды тебя сделают козлом отпущения?

Фан Чаоцы лишь слегка повернул голову и загадочно усмехнулся:

— С чего ты взял, что я ничего не знал?

Чжань Хожань так и прыснул со смеху:

— Да что смыслит мужчина в женских родах! Уж не хочешь ли ты сказать, что самолично сотворил это дитя на свет раньше срока?

Фан Чаоцы лишь мягко промолчал, оставив вопрос без ответа.

Разумеется, ускорять появление младенцев на свет он не умел, зато имел при себе особое снадобье, полученное от Великой старшей принцессы-покровительницы государства. Все как-то позабыли, что именно Фан Чаоцы по личному велению Вэнь Тянь сопровождал вдовствующую императрицу на всём её пути из Интяня в Цзянцзо.

Вдовствующая императрица Не тоже не была глупа. Её вызывающая дерзость в тронном зале опиралась на трезвый расчёт. Каждое слово в споре с господином У было тщательно взвешено заранее — упрямый сановник послушно шагнул в расставленный для него капкан.

Зачем же понадобилась столь сложная игра?

Ответ был прост: следовало лишить недоброжелателей всякой возможности оспорить происхождение будущего наследника престола. Преждевременные роды должны были выглядеть безупречно чистой, трагической случайностью. Пускай Не Сянжун разрешалась от бремени не на глазах у толпы, но сам факт её внезапных мук происходил под неусыпным надзором всего двора.

В те самые часы Великая старшая принцесса Вэнь Тянь стояла на высях величественной надвратной башни Интяня. Впереди простирались грозные полчища варваров, сжимавших кольцо осады, позади лежала родная земля, чья судьба висела на тонком волоске.

«На этот раз я посмотрю, у кого повернётся язык судачить о подмене младенца циветтой!» — жёстко подумала она.

Прошлая жизнь научила Вэнь Тянь горькой истине: мало верить в правоту собственной крови в тиши семейного круга — нужно заставить уверовать в неё Поднебесную. Только тогда ребёнок по праву унаследует престол. Скажут люди, что ты законный наследник, — и спорить никто не посмеет, будь ты хоть трижды безродным выскочкой. Объявят бастардом — и законное право обратится в прах. Людская молва слепа и не знает жалости.

Тем временем страсти улеглись.

Даже самые суровые ревнители традиций, возмущённые притязаниями вдовствующей императрицы на государственные дела, замолчали. Наблюдая за её отчаянной борьбой за жизнь, сановники поумерили свой пыл. Испокон веков слабость рождала сострадание, да и надежда на скорое рождение долгожданного наследника затмевала былые обиды.

Никто при дворе даже в мыслях не допускал возможности появления на свет девочки. Сановники попросту боялись думать, каким сокрушительным крахом обернётся подобный исход для шаткого трона династии Ци.

Золотое солнце медленно закатилось за горизонт. Незадолго до того, как муки вдовствующей императрицы грозили перерасти во вторую бессонную ночь, из глубины боковых покоев донёсся долгожданный, звонкий младенческий плач.

Двери покоев распахнулись. На пороге показалась повитуха: её руки по локоть были испачканы в крови, а на лице блуждала маска неприкрытого ужаса. Запинаясь и едва держась на ногах, она пролепетала:

— Родила... Родила... На свет явилась Императорская принцесса!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Лица придворных мгновенно посерели, словно на поминках. Для них этот миг ознаменовал крушение целого мира.

<http://bllate.org/book/19472/1985569>